

Один из методов анализа художественного произведения
Тлеубай Г.К., Джолдасбекова Б.У.

КазНУ им. аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан,
gulbanu2007@gmail.ru

Вопрос изучения литературного произведения является одной из важных проблем методики преподавания художественной литературы. Преподаватели, методисты, ученые едины во мнении, что литературно-художественное произведение должно изучаться в системе всех своих компонентов: идеи, темы, содержания, композиции, образной системы, системы языковых средств. И через анализ языковой структуры текста художественного произведения, характеристики его образной системы, анализ идейно-тематического содержания можно рассмотреть личность самого художника слова, выявить своеобразие его писательской манеры, его мироощущения и миропонимания, а также концептосферу писателя.

343

В данной статье ставится задача рассмотреть философские духовно-нравственные концепты судьба и жизнь в контексте романа Ч. Айтматова «Плаха».

Вот уже как тридцать лет живёт роман Ч. Айтматова «Плаха» в читательском сознании. Роман был написан в 1986 году, после чего Чингис Айтматов был признан одним из ведущих писателей двадцатого века.

Необычное заглавие романа сразу же привлекло внимание читателей и критиков, и оно до сегодняшнего дня пробуждает в читательском сознании мысли и чувства, порой приводящие к некоторой растерянности. Заголовок, номинированный полузабытым словом, до сих пор осмысливается, вызывая различные споры и размышления. Если его сравнивать с заголовком романа П. Проскурина «Судьба», то «Плаха» окажется как бы его логическим продолжением, но уже с более трагическим подтекстом.

Как известно, первым знаком художественного произведения является его заголовок - одна из сильных позиций текста.

Заголовок – это и компонент плана свернутого содержания, и организующий элемент всего текста. В содержательной структуре произведения заголовку принадлежит существенная роль: он передает в концентрированной форме основную тему или идею всего текста. Если в качестве заголовка выступает концепт, то такое заглавие позволяет понять замысел произведения и наметить семантические линии связи «заголовок – текст».

Заголовок с многозначной семантикой в полном объеме смысла воспринимается ретроспективно, поскольку такое заглавие в тексте последовательно обогащается стилистическими коннотациями. Каждый заголовок выполняет тематизирующую функцию в тексте.

Можно выделить типичные случаи наименования художественного произведения по нескольким компонентам содержательной структуры произведения: называется основной концепт, который является центром фабульного действия.

Заголовок, имеющий структуру словосочетания или предложения, может называть сразу два компонента содержательной структуры, так, заглавие романа В. Гроссмана «Жизнь и судьба» - содержит два концепта судьба и жизнь

Роман Ч. Айтматова «Плаха» о трагических судьбах людей, это открытая книга о жизни и страданиях людей его эпохи. Плаха –

это судьба, это случай, подчас трагический, который испытывает человека, грозит ему плахой и, может расправиться с ним.

Один из первых критиков романа А. Акматалиев считает, что «по своему художественному содержанию «Плаха» относится к роману-трагедии. В то же время роман нельзя ограничить лишь рамками трагедии. Трагедия служит хорошим уроком в день сегодняшний и на будущее». Резюмируя свой анализ, критик продолжает изначальную мысль: «Плаху», соответственно её художественную суть, следует определить как роман-трагедию. Но трагедия эта – особенная: в романе она служит великим уроком для современности и будущего, она утверждает мысль, что страшные ошибки не должны повторяться, что в жизни всегда могут открываться новые пути, новые сферы разума и взаимопонимания» [1, с.457, 470].

Если это роман-предупреждение, то может автору следовало бы назвать свой роман как-то по-другому. Почему «Плаха»? Ответом может послужить толкование этого слова в словаре С.И. Ожегова во втором значении: «в старину: обрубок дерева, на котором отсекали голову казнимого, а также помост, на котором совершалась казнь; а также перен.: обречь себя на неминуемую гибель. Лечь, взойти на плаху. Класть голову на плаху».

Герои романа Авдий и Бостон сознательно избирают одинаковый жизненный путь, который ведёт их на плаху. Хотя, как отмечает Г. Гачев: «И Авдий и Бостон – это два возможных варианта человеческого поведения, которые можно обозначить как: Свобода или Судьба?» [2, с. 598].

Г. Гачев верно рассуждает, связывая назначение «плахи» с концом жизненного пути человека: «Кстати, отчего «Плаха»? Ведь по сути-то – «Крест»: крестный путь самопожертвования. Но лобное место у народов-земледельцев означает древесным символом, тогда как народам кочевым, животноводам, свойственнее кровавый символ...» [2, с. 598].

Итак, плаха – это лобное место, место казни, где проливается кровь, где обрывается жизнь человека, куда восходят против своей воли.

Авдий и Бостон добровольно выбирают плаху. Получается, что Плаха и Судьба – контекстуальные синонимы, лексические номинации близких концептов. «Судьба» в контексте романа – «жизненный путь», а «плаха» – финал этого жизненного пути,

определённый и ориентированный, казалось бы, сознательно и добровольно выбранной судьбой.

Профессор Аризонского университета Джон Гарард, анализирувавший роман В. Гроссмана «Жизнь и судьба», в статье «Внутренняя свобода «Жизни и судьбы», актуализирует смысловую оппозицию судьба человека – жизненный путь человека: «читатель приходит к своему собственному осознанию того, что никто не волен выбирать судьбу, но всякий волен выбирать жизненный путь при любых обстоятельствах».

Все толковые словари русского языка подчёркивают общий корень слов «судьба» и «суд». Так, в Толковом словаре В. Даля слово «судьба» отдельно не выделено; оно находится в гнезде слов, производных от слова «суд», и толкуется как «суд, судилище, судбище и расправа».

Такое происхождение лексической номинации интересующего нас концепта «судьба» не случайно: и сам человек, и окружающие

его люди, говоря о судьбе, обсуждают итоги жизненного пути индивида, оценивают его жизнь. В плане межкультурных сопоставлений интересно отметить, что в скандинавских языках слово «log» имеет общий корень со словом «закон», причём речь идёт не о юридических законах, а о древних, от века установленных нормах, обычаях жизни людей.

Веками установленные духовные нормы общежития, обычно уживались в сознании Авдия и Бостона и, обуславливали их веление совести, что привело, в конце концов, к тому, что они сами подготавливают над собой «расправу». Всё это и предопределяет их поведение, поскольку по-другому они не могут мыслить, поэтому они и обрекают себя.

Эти долговечные нормы относятся к ценностям духовным / идеальным – spiritual values. Они - высшие моральные и эстетические ценности, связанные с интеллектуальным процессом, долговечны и отражают представление о наиболее важных идеалах человеческой жизнедеятельности: о добре, справедливости, чести, верности, патриотизме, любви, дружбе, порядочности, честности [3, с. 455].

Параллельно судьбам Авдия и Бостона в романе представлены судьбы наших «младших братьев». «В этих краях и слагалась судьба новой волчьей пары – Акбары и Ташчайнара...». В этом контексте в сочетании «слагалась судьба» отображается многозначность слова «судьба».

346

В Академическом Словаре современного русского литературного языка выделяются следующие его основные значения: 1) стечение обстоятельств, стихийный, не зависящий от воли человека ход событий, удача, неожиданные удары, предназначение; 2) доля, участь, жизненный путь; 3) история существования чего-нибудь, будущее данного объекта. Владимир Даль добавляет к этому: пути провидения, а также неминуемое в быту, а Толковый словарь русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова – «стечение обстоятельств».

Все значения рассматриваемого концепта, отмеченные в словарях, как бы учтены и использованы автором в контексте романа, особенно «стечение обстоятельств» и «участь, жизненный путь».

«Авдий Каллистратов надеялся, что рано или поздно судьба предоставит ему возможность приоткрыть людям суть своих умозаключений, ибо, как он полагал, всё идёт к тому, что людям и самим захочется узнать о своих отношениях с Богом в постиндустриальную эпоху, когда могущество человека достигнет наикритической фазы».

«Теперь участь его зависела от людей, вместе с которыми он прибыл сюда, как полагали они ... Трудно установить, что такое людская жизнь. Во всяком случае, бесконечные комбинации всевозможных человеческих отношений, всевозможных характеров настолько сложны, что никакой сверхсовременной компьютерной системе не под силу интегрировать общую кривую обычных человеческих натур».

Лексическая номинация концепта жизнь в Словаре русского языка С.И.Ожегова втором значении толкуется как:

Физиологическое существование человека, животного, всего живого. Жизнь можно дать кому-нибудь (родить); жизнь можно даровать кому-нибудь (помиловать осужденного); жизнью можно рисковать, жизнь можно спасти кому-нибудь, жизнь можно

положить за кого-то, за что-нибудь (умереть, умирать за ...).

Таким образом, наблюдения над концептами в контексте романа позволяют согласиться с определением что «концепт - сущность понятия, явленная в своих содержательных формах – в образе, понятии и символе». Концепты в контексте романа связаны с содержательной структурой текста не только ассоциативной связью, но и напрямую. Концепты жизнь и судьба осмысливаются в полной форме не только в связи с содержанием произведения, но

347

и тем, что они неоднократно функционируют в тексте как номинации, активно участвующие в семантической организации текста.

Концепты жизнь и судьба, обозначающие объекты видимого и невидимого мира, в контексте романа сочетаются с прилагательными трудная жизнь, трудная судьба, сложная жизнь, сложная судьба.

Такие суждения обычно характерны для текстов, посвященных философскому осмыслению важнейших событий, происходивших в жизни человека. В них наблюдается актуализация не только традиционного значения слов «жизнь», «судьба», но и достаточно индивидуальных.

Авторское, индивидуально-специфическое употребление приводит к тому, что смысл ключевых слов (или доминант) определяется взаимно сопоставительными номинациями: жизнь и судьба, судьба и жизнь

«И получалось, что чем дольше он жил на белом свете, тем трудней и сложнее становилось жить, и не столько жить, сколько понять смысл жизни».

«Каждое словечко малыша приводило отца в восторг. Через него постигал Бостон глубинный, сокровенный смысл жизни, таящийся в привязанности к дитяти и к его матери. То была конечная и высшая точка предназначенной Бостону судьбы».

Превратная судьба за короткое время изменяет жизнь молодого Авдия и жизнь зрелого Бостона, не оставляя им надежды на будущее. Наверное, поэтому роман называется «Плаха».

В творчестве выдающегося испанского поэта эпохи Позднего Возрождения Феликса Лопе де Вега одно из стихотворений называется «Стансы о превратности судьбы». В стихотворении автором судьба уже в заглавии определяется как превратная, как нечто изменчивое, как миг жизни.

Лопе де Вега последовательно выражает целостную мысль, что судьба – злоключение, происходящее в короткий промежуток жизни, во время которого рушатся города и империи, богач может проснуться бедняком. Но «всего превратней – счастье, час единый упустив, стал счастливцем несчастлив».

Судьба и жизнь – это то, что связывает или разводит прошлое и будущее. Судьба – это случай, жизнь – это миг: «Даже миг – немалый срок, чтоб расчелся случай с нами». В контексте реализуются значения: судьба - стечение обстоятельств, не

348

зависящих от воли человека; жизнь - события, в которых участвует человек.

В семантическом аспекте концепты судьба, жизнь требуют дополнительных пояснений со стороны автора, экспликации его мысли в конкретизирующих высказываниях. Семантическое сближение понятий жизнь и судьба обусловлены вхождением этих концептов в предметную область «человек» и регулярной

сочетаемостью слов жизнь и судьба с именем его носителя, например: «Судьба Прометея» – это древний как мир, человеческий и божественный, исторический парадокс». «Прометей, или Жизнь Бальзака», «Олимпио, или Жизнь Виктора Гюго» - в заголовках произведений А. Моруа концепт «жизнь» пишется заглавной буквой.

«Мы знаем, что творчество писателя нельзя объяснить только его Жизнью; мы знаем, что самые значительные события в Жизни творца – это его произведения. Но жизненный путь великого человека сам по себе представляет огромный интерес. Бальзак, в основе философии которого лежала идея единства мира, не раз говорил, что «таинственные законы плоти и чувства» управляют творчеством, как и Жизнью» (А, Моруа). Сближение судьбы и жизни, и соответственно стремление к их «стыковке» в семантической сфере является важнейшим результатом функциональной активности рассматриваемых номинаций в плане их взаимодействия. Судьба, как и «таинственные законы плоти и чувства» может управлять жизнью человека и привести его к плахе.

«Вопрос «Как человеку человеком быть?» звучит в «Плахе» по-новому. Вопрос этот не должен остаться без ответа, потому что человек обязан уяснить свою личную судьбу. В переплетении каких бы событий ни отображалась в романе жизнь Авдия, можно заметить, что его судьбу сопровождает идея баллады «Шестеро и седьмой» [1, с. 462].

Следовательно, понятия судьба и жизнь имеют много общих контекстов, но релевантными (способными служить для различения значения языковых единиц) для них являются образуемые ими различные по смыслу высказывания (сочетания слов). Так, судьба для Бостона может быть тяжёлой и слепой, и быть сопряжена со свободой Авдия [2, с. 604].

349

«Судьба ему выпала тяжелая: отец погиб на войне, когда он учился во втором классе, потом умерла мать, и он всем был обязан только себе, только своему труду, он, как теперь понимал, шёл к некой поставленной себе цели упорно, неуклонно, изо дня в день, работал не покладая рук и считал, что только в этом и может заключаться смысл жизни».

«И лишь однажды слепая судьба поставила его на колени и заставила его горько каяться, и с тех пор познал он тяжесть и горечь сомнений...»

Таким образом, взаимодействие рассматриваемых концептов Один из методов анализа художественного произведения Тлеубай Г.К., Джолдасбекова Б.У.

КазНУ им. аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан,
gulbanu2007@gmail.ru

Вопрос изучения литературного произведения является одной из важных проблем методики преподавания художественной литературы. Преподаватели, методисты, ученые едины во мнении, что литературно-художественное произведение должно изучаться в системе всех своих компонентов: идеи, темы, содержания, композиции, образной системы, системы языковых средств. И через анализ языковой структуры текста художественного произведения, характеристики его образной системы, анализ идейно-тематического содержания можно рассмотреть личность самого художника слова, выявить своеобразие его писательской манеры, его мироощущения и миропонимания, а также

концептосферу писателя.

343

В данной статье ставится задача рассмотреть философские духовно-нравственные концепты судьба и жизнь в контексте романа Ч. Айтматова «Плаха».

Вот уже как тридцать лет живёт роман Ч. Айтматова «Плаха» в читательском сознании. Роман был написан в 1986 году, после чего Чингис Айтматов был признан одним из ведущих писателей двадцатого века.

Необычное заглавие романа сразу же привлекло внимание читателей и критиков, и оно до сегодняшнего дня пробуждает в читательском сознании мысли и чувства, порой приводящие к некоторой растерянности. Заголовок, номинированный полузабытым словом, до сих пор осмысливается, вызывая различные споры и размышления. Если его сравнивать с заголовком романа П. Проскурина «Судьба», то «Плаха» окажется как бы его логическим продолжением, но уже с более трагическим подтекстом.

Как известно, первым знаком художественного произведения является его заголовок - одна из сильных позиций текста.

Заголовок – это и компонент плана свернутого содержания, и организующий элемент всего текста. В содержательной структуре произведения заголовку принадлежит существенная роль: он передает в концентрированной форме основную тему или идею всего текста. Если в качестве заголовка выступает концепт, то такое заглавие позволяет понять замысел произведения и наметить семантические линии связи «заголовок – текст».

Заголовок с многозначной семантикой в полном объеме смысла воспринимается ретроспективно, поскольку такое заглавие в тексте последовательно обогащается стилистическими коннотациями. Каждый заголовок выполняет тематизирующую функцию в тексте.

Можно выделить типичные случаи наименования художественного произведения по нескольким компонентам содержательной структуры произведения: называется основной концепт, который является центром фабульного действия. Заголовок, имеющий структуру словосочетания или предложения, может называть сразу два компонента содержательной структуры, так, заглавие романа В. Гроссмана «Жизнь и судьба» - содержит два концепта судьба и жизнь

Роман Ч. Айтматова «Плаха» о трагических судьбах людей, это открытая книга о жизни и страданиях людей его эпохи. Плаха –

344

это судьба, это случай, подчас трагический, который испытывает человека, грозит ему плахой и, может расправиться с ним.

Один из первых критиков романа А. Акматалиев считает, что «по своему художественному содержанию «Плаха» относится к роману-трагедии. В то же время роман нельзя ограничить лишь рамками трагедии. Трагедия служит хорошим уроком в день сегодняшний и на будущее». Резюмируя свой анализ, критик продолжает изначальную мысль: «Плаху», соответственно её художественную суть, следует определить как роман-трагедию. Но трагедия эта – особенная: в романе она служит великим уроком для современности и будущего, она утверждает мысль, что страшные ошибки не должны повторяться, что в жизни всегда могут открываться новые пути, новые сферы разума и взаимопонимания» [1, с.457, 470].

Если это роман-предупреждение, то может автору следовало бы назвать свой роман как-то по-другому. Почему «Плаха»? Ответом может послужить толкование этого слова в словаре С.И. Ожегова во втором значении: «в старину: обрубок дерева, на котором отсекали голову казнимого, а также помост, на котором совершалась казнь; а также перен.: обрекать себя на неминуемую гибель. Лечь, взойти на плаху. Класть голову на плаху».

Герои романа Авдий и Бостон сознательно избирают одинаковый жизненный путь, который ведёт их на плаху. Хотя, как отмечает Г. Гачев: «И Авдий и Бостон – это два возможных варианта человеческого поведения, которые можно обозначить как: Свобода или Судьба?» [2, с. 598].

Г. Гачев верно рассуждает, связывая назначение «плахи» с концом жизненного пути человека: «Кстати, отчего «Плаха»? Ведь по сути-то – «Крест»: крестный путь самопожертвования. Но лобное место у народов-земледельцев означает древесным символом, тогда как народам кочевым, животноводам, свойственнее кровавый символ...» [2, с. 598].

Итак, плаха – это лобное место, место казни, где проливается кровь, где обрывается жизнь человека, куда восходят против своей воли.

Авдий и Бостон добровольно выбирают плаху. Получается, что Плаха и Судьба – контекстуальные синонимы, лексические номинации близких концептов. «Судьба» в контексте романа – «жизненный путь», а «плаха» - финал этого жизненного пути,

345

определённый и ориентированный, казалось бы, сознательно и добровольно выбранной судьбой.

Профессор Аризонского университета Джон Гарард, анализирувавший роман В. Гроссмана «Жизнь и судьба», в статье «Внутренняя свобода «Жизни и судьбы», актуализирует смысловую оппозицию судьба человека – жизненный путь человека: «читатель приходит к своему собственному осознанию того, что никто не волен выбирать судьбу, но всякий волен выбирать жизненный путь при любых обстоятельствах».

Все толковые словари русского языка подчёркивают общий корень слов «судьба» и «суд». Так, в Толковом словаре В. Даля слово «судьба» отдельно не выделено; оно находится в гнезде слов, производных от слова «суд», и толкуется как «суд, судилище, судбище и расправа».

Такое происхождение лексической номинации интересующего нас концепта «судьба» не случайно: и сам человек, и окружающие его люди, говоря о судьбе, обсуждают итоги жизненного пути индивида, оценивают его жизнь. В плане межкультурных сопоставлений интересно отметить, что в скандинавских языках слово «log» имеет общий корень со словом «закон», причём речь идёт не о юридических законах, а о древних, от века установленных нормах, обычаях жизни людей.

Веками установленные духовные нормы общежития, обычно уживались в сознании Авдия и Бостона и, обуславливали их веление совести, что привело, в конце концов, к тому, что они сами подготавливают над собой «расправу». Всё это и предопределяет их поведение, поскольку по-другому они не могут мыслить, поэтому они и обрекают себя.

Эти долговечные нормы относятся к ценностям духовным / идеальным – spiritual values. Они - высшие моральные и эстетические ценности, связанные с интеллектуальным процессом,

долговечны и отражают представление о наиболее важных идеалах человеческой жизнедеятельности: о добре, справедливости, чести, верности, патриотизме, любви, дружбе, порядочности, честности [3, с. 455].

Параллельно судьбам Авдия и Бостона в романе представлены судьбы наших «младших братьев». «В этих краях и слагалась судьба новой волчьей пары – Акбары и Ташчайнара...». В этом контексте в сочетании «слагалась судьба» отображается многозначность слова «судьба».

346

В Академическом Словаре современного русского литературного языка выделяются следующие его основные значения: 1) стечение обстоятельств, стихийный, не зависящий от воли человека ход событий, удача, неожиданные удары, предназначение; 2) доля, участь, жизненный путь; 3) история существования чего-нибудь, будущее данного объекта. Владимир Даль добавляет к этому: пути провидения, а также неминуемое в быту, а Толковый словарь русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова – «стечение обстоятельств».

Все значения рассматриваемого концепта, отмеченные в словарях, как бы учтены и использованы автором в контексте романа, особенно «стечение обстоятельств» и «участь, жизненный путь».

«Авдий Каллистратов надеялся, что рано или поздно судьба предоставит ему возможность приоткрыть людям суть своих умозаключений, ибо, как он полагал, всё идёт к тому, что людям и самим захочется узнать о своих отношениях с Богом в постиндустриальную эпоху, когда могущество человека достигнет наикритической фазы».

«Теперь участь его зависела от людей, вместе с которыми он прибыл сюда, как полагали они ... Трудно установить, что такое людская жизнь. Во всяком случае, бесконечные комбинации всевозможных человеческих отношений, всевозможных характеров настолько сложны, что никакой сверхсовременной компьютерной системе не под силу синтезировать общую кривую обычных человеческих натур».

Лексическая номинация концепта жизнь в Словаре русского языка С.И.Ожегова втором значении толкуется как:

Физиологическое существование человека, животного, всего живого. Жизнь можно дать кому-нибудь (родить); жизнь можно даровать кому-нибудь (помиловать осужденного); жизнью можно рисковать, жизнь можно спасти кому-нибудь, жизнь можно положить за кого-то, за что-нибудь (умереть, умирать за ...).

Таким образом, наблюдения над концептами в контексте романа позволяют согласиться с определением что «концепт - сущность понятия, явленная в своих содержательных формах – в образе, понятии и символе». Концепты в контексте романа связан с содержательной структурой текста не только ассоциативной связью, но и напрямую. Концепты жизнь и судьба осмысливаются в полной форме не только в связи с содержанием произведения, но

347

и тем, что они неоднократно функционируют в тексте как номинации, активно участвующие в семантической организации текста.

Концепты жизнь и судьба, обозначающие объекты видимого и невидимого мира, в контексте романа сочетаются с прилагательными трудная жизнь, трудная судьба, сложная

жизнь, сложная судьба.

Такие суждения обычно характерны для текстов, посвященных философскому осмыслению важнейших событий, происходивших в жизни человека. В них наблюдается актуализация не только традиционного значения слов «жизнь», «судьба», но и достаточно индивидуальных.

Авторское, индивидуально-специфическое употребление приводит к тому, что смысл ключевых слов (или доминант) определяется взаимно сопоставительными номинациями: жизнь и судьба, судьба и жизнь

«И получалось, что чем дольше он жил на белом свете, тем трудней и сложнее становилось жить, и не столько жить, сколько понять смысл жизни».

«Каждое словечко малыша приводило отца в восторг. Через него постигал Бостон глубинный, сокровенный смысл жизни, таящийся в привязанности к дитяти и к его матери. То была конечная и высшая точка предназначенной Бостону судьбы».

Превратная судьба за короткое время изменяет жизнь молодого Авдия и жизнь зрелого Бостона, не оставляя им надежды на будущее. Наверное, поэтому роман называется «Плаха».

В творчестве выдающегося испанского поэта эпохи Позднего Возрождения Феликса Лопе де Вега одно из стихотворений называется «Стансы о превратности судьбы». В стихотворении автором судьба уже в заглавии определяется как превратная, как нечто изменчивое, как миг жизни.

Лопе де Вега последовательно выражает целостную мысль, что судьба – злоключение, происходящее в короткий промежуток жизни, во время которого рушатся города и империи, богач может проснуться бедняком. Но «всего превратней – счастье, час единый упустив, стал счастливцем несчастлив».

Судьба и жизнь – это то, что связывает или разводит прошлое и будущее. Судьба – это случай, жизнь – это миг: «Даже миг – немалый срок, чтоб расцелся случай с нами». В контексте реализуются значения: судьба - стечение обстоятельств, не

348

зависящих от воли человека; жизнь - события, в которых участвует человек.

В семантическом аспекте концепты судьба, жизнь требуют дополнительных пояснений со стороны автора, экспликации его мысли в конкретизирующих высказываниях. Семантическое сближение понятий жизнь и судьба обусловлены вхождением этих концептов в предметную область «человек» и регулярной сочетаемостью слов жизнь и судьба с именем его носителя, например: «Судьба Прометея» – это древний как мир, человеческий и божественный, исторический парадокс». «Прометей, или Жизнь Бальзака», «Олимпио, или Жизнь Виктора Гюго» - в заголовках произведений А. Моруа концепт «жизнь» пишется заглавной буквой.

«Мы знаем, что творчество писателя нельзя объяснить только его Жизнью; мы знаем, что самые значительные события в Жизни творца – это его произведения. Но жизненный путь великого человека сам по себе представляет огромный интерес. Бальзак, в основе философии которого лежала идея единства мира, не раз говорил, что «таинственные законы плоти и чувства» управляют творчеством, как и Жизнью» (А. Моруа). Сближение судьбы и жизни, и соответственно стремление к их «стыковке» в семантической сфере является важнейшим

результатом функциональной активности рассматриваемых номинаций в плане их взаимодействия. Судьба, как и «таинственные законы плоти и чувства» может управлять жизнью человека и привести его к плахе.

«Вопрос «Как человеку человеком быть?» звучит в «Плахе» по-новому. Вопрос этот не должен остаться без ответа, потому что человек обязан уяснить свою личную судьбу. В переплетении каких бы событий ни отображалась в романе жизнь Авдия, можно заметить, что его судьбу сопровождает идея баллады «Шестеро и седьмой» [1, с. 462].

Следовательно, понятия судьба и жизнь имеют много общих контекстов, но релевантными (способными служить для различения значения языковых единиц) для них являются образуемые ими различные по смыслу высказывания (сочетания слов). Так, судьба для Бостона может быть тяжёлой и слепой, и быть сопряжена со свободой Авдия [2, с. 604].

349

«Судьба ему выпала тяжелая: отец погиб на войне, когда он учился во втором классе, потом умерла мать, и он всем был обязан только себе, только своему труду, он, как теперь понимал, шёл к некой поставленной себе цели упорно, неуклонно, изо дня в день, работал не покладая рук и считал, что только в этом и может заключаться смысл жизни».

«И лишь однажды слепая судьба поставила его на колени и заставила его горько каяться, и с тех пор познал он тяжесть и горечь сомнений...»

Таким образом, взаимодействие рассматриваемых концептов судьба и жизнь прослежены в контексте известного романа «Плаха» выдающегося писателя современности Ч. Айтматова считавшего, что, если судьба все-таки управляет жизнью человека, то своей жизнью человек должен суметь распорядиться сам.

Литература:

1. Акматалиев А. Айтматовское слово // Айтматов Ч.Т. «И дольше века длится день (Белое облако Чингисхана); Лицом к лицу: Роман, Повесть. – Бишкек, 1991 – с. 446-478.
2. Гачев Г. Задумавшийся скиф. О Чингизе Айтматове и его романах // Айтматов Ч.Т. Буранный полустанок; Плаха: Романы. – М., 1980. – 585-606 с.
3. Жуков И.Н. Лебедев М.Г., Прошина З.Г., Юзёфович Н.Г. Словарь терминов межкультурной коммуникации. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 632 с.
4. Уэллек Р. и Уоррен О. Теория литературы. – М.: «Прогресс». – 1978. – 325 с.
5. Мухамдиев Х.С. Концепт природы. В сборнике «Национальные образы мира в современной литературе Казахстана». Под общей ред. У.К.Абишевой.- Алматы: Казак Университеті, 2012
6. Проблемы изучения и преподавания литературы в вузе и школе: Сборник научных трудов/ Отв. ред. А.А.Демченко. – Саратов, 2000._судьба и жизнь прослежены в контексте известного романа «Плаха» выдающегося писателя современности Ч. Айтматова считавшего, что, если судьба все-таки управляет жизнью человека, то своей жизнью человек должен суметь распорядиться сам.

Литература:

1. Акматалиев А. Айтматовское слово // Айтматов Ч.Т. «И дольше века длится день (Белое облако Чингисхана); Лицом к лицу: Роман, Повесть. – Бишкек, 1991 – с. 446-478.
2. Гачев Г. Задумавшийся скиф. О Чингизе Айтматове и его романах

- // Айтматов Ч.Т. Буранный полустанок; Плаха: Романы. – М., 1980. – 585-606 с.
3. Жуков И.Н. Лебедько М.Г., Прошина З.Г., Юзефович Н.Г. Словарь терминов межкультурной коммуникации. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 632 с.
4. Уэллек Р. и Уоррен О. Теория литературы. – М.: «Прогресс». – 1978. – 325 с.
5. Мухамадиев Х.С. Концепт природы. В сборнике «Национальные образы мира в современной литературе Казахстана». Под общей ред. У.К.Абишевой.- Алматы: Казак Университеті, 2012
6. Проблемы изучения и преподавания литературы в вузе и школе: Сборник научных трудов/ Отв. ред. А.А.Демченко. – Саратов, 2000._